

Л. В. Цурикова

**ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

1. Общие замечания

Термин “дискурс” можно считать одним из наиболее популярных и широко употребляемых в современных гуманитарных науках. В разных парадигмах знания его используют в разных значениях и в разных контекстах, часто обозначая им разные понятия. При всем многообразии существующих сегодня определений дискурса (см. об этом подробнее Кубрякова, 2000; Карасик, 2000 и др.) нет ничего удивительного в том, что специалисты в разных областях знания говорят, например, о дискурсе персональном и институциональном, бытовом и бытийном, компьютерном и газетном, культурном и культурологическом, политическом и публицистическом, философском и научном, религиозном и педагогическом, деловом и рекламном, медицинском и массово-информационном; выделяют дискурс репортажей и интервью, дискурс повествовательный и поэтический, монологический и диалогический, письменный и устный; изучают функции и структуру, содержательную и формальную связность, модальные характеристики и многие другие свойства дискурса. Уже одно — далеко не полное — перечисление свидетельствует о том, насколько широкое распространение получило в разных парадигмах знания это, в общем-то, недавно вошедшее в научный обиход из области лингвистики понятие.

В самой лингвистике под дискурсом понимают “связный текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)” (Арутюнова, 1990, с. 136—137). Данное определение хорошо отражает тот факт, что на протяжении вот уже нескольких десятилетий одной из традиционных сфер исследования в лингвистике является изучение связной речи, поскольку актуальность рассмотрения проблем функционирования языка и утверждение коммуникативной парадигмы в этой науке неизбежно привели исследователей к признанию текста — целостной

смысловой сущности — основной и высшей единицей коммуникации. На ранних этапах исследования понятия “текст” и менее распространенное “дискурс” использовались большинством лингвистов как взаимозаменяемые термины; часто “текст” употреблялся в отношении письменной коммуникации, а “дискурс” — в отношении устной. В настоящее время “текст” и “дискурс” рассматриваются в лингвистике дифференцированно, однако полемика в связи с определением каждого из этих понятий, их разграничением и противопоставлением ведется до сих пор (Кубрякова, Александрова, 1999).

Становление коммуникативно-деятельностного подхода в лингвистике привело к признанию амбивалентности феномена употребления языка и позволило рассматривать его либо как процесс, либо как результат. Термин “дискурс” стал последовательно использоваться для обозначения объекта исследования в рамках процессуально-деятельностного описания языковой коммуникации, в фокусе которого находится активный субъект общения и связанные с ним коммуникативно-прагматические, когнитивные, семантические и другие параметры, актуализируемые в процессе его речевой деятельности. Соответственно, понятием “текст” стали чаще оперировать в текстоцентрических описаниях коммуникативных единиц, рассматривающих употребление языка как законченный результат коммуникативной деятельности человека и ограничивающих объект анализа рамками самого текста. Целью анализа в таких исследованиях является, как правило, установление смысла текстов, рассматриваемого как некая объективная и фиксированная семантическая структура, лежащая в основе текста и выводимая из текста. При этом процессы текстообразования моделируются как процессы построения структурных и функциональных внутритекстовых связей, которые объединяются в семантические сети, образуя микро- и макрокогерентные иерархии связей. Отражая, таким образом, различия в фокусе и целях изучения связной речи, термины “дискурс” и “текст” отражают также принятое в лингвистических описаниях разграничение, а нередко и противопоставление, устной и письменной форм коммуникации. В последнее время, тем не менее, и здесь наблюдается заметное смещение акцентов.

Традиционно материалом для лингвистического анализа служили “тексты” — образцы письменной речи, чаще художественной, или, в лучшем случае, имитирующие устную речь высказывания персонажей художественных произведений. Системный анализ спонтанной естественной коммуникации долгое время

оставался за рамками собственно лингвистического описания. Развитие коммуникативно-деятельностного подхода к изучению функционирования языка сосредоточило интерес исследователей на процессуальных аспектах языковой деятельности, сделав именно устную речь, обычно обозначаемую как дискурс, полноправным объектом лингвистического исследования. Этот подход к дискурсу предполагает, что помимо (или посредством) использования языка в процессе общения участники коммуникации совершают в отношении друг друга определенные коммуникативные действия. Таким образом, подчеркивая деятельностную направленность человеческой коммуникации, дискурс рассматривают как способ/форму межличностного вербального взаимодействия. В то же время, подобная трактовка позволяет не ограничивать анализ языковой интеракции только рамками устной коммуникации, но также включать в рассмотрение письменную коммуникацию, выделяя два основных типа (*modes*) дискурса — *устный* (*talk*) и *письменный* (*text*) (Dijk, 1997), использующих разные “каналы” общения. Включение письменной коммуникации в понятие “дискурс” дает возможность описывать динамические — деятельностные и ситуативные/контекстные — аспекты этого типа языковой интеракции и, таким образом, рассматривать оба типа дискурса под одним углом зрения, несмотря на очевидные и существенные различия между ними.

Основными видами дискурса в лингвистике традиционно принято считать монологическое и диалогическое взаимодействие, однако, несмотря на то, что при поверхностном рассмотрении такое деление, кажется, не вызывает особых затруднений, теоретическое разграничение монологического и диалогического дискурса может оказаться довольно проблематичным. Прежде всего, это связано с определением объема каждого из видов дискурса. В то время как обмен небольшими репликами между адресантом и адресатом в рамках контактной интеракции позволяет достаточно легко определить такое взаимодействие как диалогическое, а длинная цепь последовательно связанных и объединенных общей темой высказываний одного из коммуникантов может рассматриваться как монолог, в случаях более сложно организованных коммуникативных событий, таких, например, как обмен мнениями или дебаты, разграничение диалогического и монологического дискурса может вызвать затруднения. Каждый коммуникативный ход в подобных ситуациях может состоять из нескольких локально когерентных частей, семантически и прагматически связанных на глобальном уровне

общей макроструктурой, что вызывает необходимость использования для описания таких видов дискурса понятий “простой”/”составной дискурс”, “комплекс дискурсов” (Dijk, 1997).

Таким образом, помимо “канала общения”, фактор времени оказывается одним из принципиальных для разграничения не только устного и письменного (контактного/неконтактного), но также диалогического и монологического дискурса. Здесь, однако, необходимо сказать о недостаточности применения этих критериев в качестве основания для дифференциации, принимая во внимание их относительность, а также отметить расплывчатость и условность границ между различными типами и видами дискурса, как это имеет место в уже отмеченных случаях дискуссий и дебатов, в случае литературного диалога, записи (например, стенографической) спонтанного устного монолога/диалога или общения по компьютерной электронной почте, в процессе которого собеседники вступают в “опосредованный” — письменный — контакт, но, используя возможности моментальной связи, могут вести общение, обладающее многими признаками спонтанной устной коммуникации.

Наряду с выделением основных типов (устный и письменный) и видов (диалогический и монологический) дискурса, в лингвистике различаются также частные типы и виды дискурсивного взаимодействия, описываемые, например, в терминах коммуникативных или речевых событий (Hymes, 1974; Gumperz, 1982; Levinson, 1992; Hanks, 1995; Verschueren, 1999) или речевых жанров (Бахтин, 1979; Китайгородская, Розанова, 1999). Эти частные типы и виды дискурса определяются на самых разных основаниях, базирующихся на релевантных параметрах коммуникативной ситуации, включая время, место, тему и участников коммуникации в качестве конституирующих признаков (ср. Китайгородская, Розанова, 1999, с. 24—39).

Теоретический анализ дискурса ведется в рамках различных направлений и парадигм исследования. Традиционная область изучения дискурса — описание его синтаксических, семантических и стилистических свойств. Синтаксический анализ дискурса, основу которого составляет так называемая “грамматика текста” (discourse grammar), описывающая грамматические отношения внутри структур “больших, чем предложение”, включает изучение синтаксических закономерностей организации предложений в тексте и их грамматических свойств, функциональных особенностей порядка слов, явлений дейксиса, различных форм когезии, а также их связи с распределением в тексте коммуникатив-

но значимой информации и зависимости от контекстных параметров. В рамках семантического анализа изучается пропозициональная структура дискурса: содержание составляющих его пропозиций, а также линейная, или локальная, и глобальная их когерентность на микро- и макроуровне. Исследование семантической когерентности дискурса на микроуровне связывается с тема-рематическим анализом содержания составляющих его единиц, описанием функциональных свойств пропозиций дискурса относительно друг друга, а также анализом референциального аспекта препозитивного содержания единиц дискурса. Последний подход связан, в свою очередь, с изучением структуры знания говорящего, что включает анализ свойств дискурса в когнитивном аспекте. На макроуровне семантическая когерентность дискурса рассматривается в терминах глобальных текстовых структур — макроструктур, связанных с семантической характеристикой темы дискурса (theme или topic), определяющей его общую “макрокогерентность” (Dijk, 1984). Целью стилистического анализа дискурса является описание функционально-стилистических и риторических характеристик текстов, при этом стилистическая вариативность рассматривается как контекстно обусловленный параметр, связанный с семантическими свойствами дискурса и прагматическими условиями его реализации. Все упомянутые подходы, базируясь на понимании дискурса как продукта коммуникативного взаимодействия, преимущественно сосредоточены на лингвистических аспектах его изучения, несмотря на то, что при более глубоком рассмотрении каждый из них расширяет рамки собственно лингвистического описания и выходит на другие уровни анализа.

Помимо традиционного лингвистического анализа дискурса, выходящего в пограничные области исследования, в настоящее время активно развиваются и другие подходы к изучению этого сложнейшего явления человеческой деятельности, требующего многостороннего комплексного описания. Одно из наиболее интенсивно разрабатываемых сегодня направлений такого рода связано с коммуникативно ориентированным описанием дискурса.

Рассмотрение дискурса как процесса социально обусловленного взаимодействия позволяет описывать его в терминах социально значимых действий, выполняемых носителями/пользователями языка в рамках определенных, релевантных для данного общества и культуры, коммуникативных ситуаций. Такое понимание лежит в основе прагматического и социолингвистического анализа дискурса.

Прагматический подход предполагает, что всякое высказывание, обладающее интенциональностью, может рассматриваться в качестве речевого акта — особой единицы коммуникации, в которой различаются три аспекта: произнесение (*utterance act*), референция и предикация (*prepositional act*), иллокуция (*illocutionary act*), передающая коммуникативное намерение говорящего. Представляя дискурс как последовательность речевых иллокутивных актов, т.е. коммуникативных действий, совершаемых человеком посредством/с помощью речи, прагматический подход включает анализ параметров ситуативного контекста, определяющих типы речевых актов, которые составляют интеракцию (“условия успешности”), а также рассматривает влияние этих параметров на коммуникативное намерение, знания и presupпозиции коммуникантов в процессе дискурсивной деятельности. При этом особое внимание уделяется изучению прагматической когерентности речевых актов в дискурсе как на микроуровне (локальная когерентность речевых актов), так и на макроуровне (выделение макро-актов в речевом событии, определяющих макро-иллокутивную силу дискурса и диктующих его общую прагматическую когерентность).

В фокусе социолингвистического анализа находится изучение интерактивных свойств коммуникации, таких, как социально значимые параметры ситуации общения (*distance, power*), закономерности смены коммуникативных ролей, стратегии интерактивного поведения коммуникантов и определяющие их факторы. В рамках этого подхода выявляются социально релевантные закономерности и нормы коммуникативного взаимодействия, принятые в рассматриваемом языковом сообществе и разделяемые, осознанно или неосознанно, всеми членами данного сообщества.

Различные аспекты дискурсивной деятельности, наряду с лингвистикой, изучают и другие дисциплины. Так, категории дискурса уделяется огромное внимание в когнитивной и в социальной психологии, благодаря чему она составляет неотъемлемую часть категориального аппарата этнометодологии, этнолингвистики, социологии и других научных дисциплин, в центре внимания которых находятся человек и формы его взаимодействия с окружающими и миром. Включение категории дискурса в основные понятия антропологической парадигмы современной науки приводит специалистов к пониманию необходимости междисциплинарного подхода к исследованию этой важнейшей формы деятельности человека. В связи с этим, как отмечает Е. С. Кубрякова, выделяются, по крайней мере, три актуальных направ-

ления в исследовании дискурса, отражающие его отношения с реальным бытием человека и существованием в мире (Кубрякова, 2000). Во-первых, это исследования, связанные с классификацией типов дискурса в их отношении к реально протекающей деятельности людей. С этой точки зрения в качестве особых типов выделяются политический, научный, медиа и т.п. дискурсы, анализируемые как случаи особого “языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности” (ван Дейк, 1989, с. 112). Во-вторых, актуальной остается задача описания этих отдельных типов дискурса, в рамках которой смыкается интерес разных областей лингвистики текста и дискурсивного анализа к проблеме декодирования неочевидных смыслов. Третьим важнейшим направлением исследования признается изучение связи дискурса с коммуникацией, с реальным речевым общением и интеракциональным характером последнего. При этом особое внимание уделяется понятию интенциональности дискурса и факторам, оказывающим влияние на “связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности” (Бондарко, 1998, с. 58).

Кроме названных трех направлений, необходимо отметить чрезвычайную важность исследования дискурса с когнитивной точки зрения, составляющих особую область описания, тем более, что, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, “по самой своей сути дискурс — явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний” (Кубрякова, 2000, с. 23).

Когнитивный анализ дискурса — одно из самых молодых и бурно развивающихся направлений междисциплинарного изучения этого явления, использующее новейшие достижения в различных сферах знания. Несмотря на то, что систематизация и осмысление того, что уже сделано в рамках этой новой парадигмы научного исследования, составляет непростую задачу, такой анализ нам кажется своевременным и актуальным, поскольку глубина и значимость решаемых в этой области проблем вызывают интерес специалистов, представляющих самые разные науки о человеке.

2. Основные направления когнитивного изучения дискурса

Когнитивный анализ естественно протекающей дискурсивной деятельности человека, интенсивно развивающийся в последние

25 лет, составляет особую сферу исследования. В рамках этого направления изучаются типы, виды и способы организации в сознании человека языковых и неязыковых знаний, необходимых для успешной коммуникации. Эти знания по-разному отражаются на разных этапах

речевой деятельности, по-разному используются и по-разному вербализуются в разных языковых формах. В связи с этим в когнитивных исследованиях дискурса выделяется несколько направлений, ставящих перед собой различные задачи по изучению структур репрезентации знания, задействованных в процессе дискурсивной деятельности человека. Одно из этих направлений объединяет исследования, связанные с *моделированием когнитивных процессов порождения и восприятия дискурса* и направленные на создание интегральной когнитивной модели дискурсивного процесса. В фокусе внимания других исследователей находится *изучение* самих *структур репрезентации знания*, а также способов хранения, обработки и извлечения знаний в процессе дискурсивной деятельности. Наконец, отдельную область анализа составляет *изучение и описание различных видов знания* и представленной в структурах знания *информации*, необходимой для осуществления дискурсивного взаимодействия людей. Имея дело с решением определенного круга специфичных проблем, каждое из этих направлений, тем не менее, вносит свой вклад в разработку общей когнитивной теории дискурса.

2.1. Когнитивные модели дискурса

Моделирование когнитивных процессов, связанных с осуществлением речевой деятельности, применяется в качестве инструмента анализа в различных областях когнитивной науки, прежде всего в психолингвистике, когнитивной лингвистике, исследованиях по созданию искусственного интеллекта, поэтому закономерно, что разработанные в рамках этих научных дисциплин теоретические и методологические основания, а также категориальный аппарат используются и для целей когнитивного описания дискурса.

Созданные в этих научных дисциплинах модели речевых процессов и механизмов их реализации представляют различные аспекты речевой деятельности в соответствии с исходными целями и установками, актуальными для каждой из этих областей знания. На этом основании модели речевой деятельности разделяют на психолингвистические, лингвистические и процедуральные (Кубрякова, 1991).

Психолингвистические модели отражают структуру речемыслительной деятельности, суть и характер составляющих ее психических процессов, конкретные условия и особенности их протекания. “Процедурные” или “процедуральные” модели, создаваемые в работах по искусственному интеллекту, направлены на изучение когнитивных, познавательных процессов, а также способов получения, хранения и использования структур знания в контексте создания машинных программ или методов программирования. В свою очередь, эти модели опираются на лингвистические модели речевой деятельности, задачей которых является освещение роли языковых единиц, категорий, явлений и т.п. в процессе порождения и восприятия речи.

По тому, как эти модели представляют и стратифицируют речемыслительные процессы, их разделяют на уровневые, циклические и интегративные. Уровневые модели выделяют в этих процессах стадии в соответствии с тем, какие когнитивные, и в том числе языковые, подсистемы, или уровни, оказываются задействованными на каждом этапе речемыслительной деятельности человека. Циклические модели выделяют те или иные циклы этой деятельности, а в интегративных моделях указание на вовлекаемый в речемыслительный процесс языковой уровень сочетается с выделением последовательных фаз или стадий процесса речепорождения (см., например, подробный обзор и анализ моделей порождения речи в Кубрякова, 1991).

На ранних этапах когнитивно-дискурсивных исследований многие из этих моделей использовались в качестве теоретической базы для когнитивного анализа пропозициональных структур и семантической когерентности дискурса, а также явлений дейксиса и различных форм текстовой когезии. Со временем, однако, стало очевидно, что лингвистические, психолингвистические и процедурные модели, задачей которых является описание процессов и механизмов речемыслительной деятельности на уровне высказывания, не отвечают потребностям когнитивного анализа коммуникативных единиц более высокого порядка, поскольку при изучении дискурса процесс речевой деятельности необходимо рассматривать “не как порождение отдельных, изъятых из общего контекста и независимых друг от друга предложений, а как порождение текстов, законченных речевых произведений, сообщений монологического или диалогического характера” (Кацнельсон, 1972, с. 119).

Так, несмотря на признание важности прагматических компонентов в механизме речемыслительной деятельности и тот факт,

что, выступая в виде прагматического оператора, они определяют выполнение речевого задания всем речевым актом, а также координируют взаимодействие всех компонентов внутренних механизмов речи, большинство психолингвистических, лингвистических и процедуральных моделей намеренно абстрагируется от этого важнейшего фактора смыслообразования в речи (см., например: Апполонская, Пиотровский, 1985; Бергельсон, Кибрик, 1987). Кроме того, психолингвистические и лингвистические модели, сосредоточенные на раскрытии механизмов превращения замысла речи в речевое высказывание, начинают описание речевой деятельности с мотива, лежащего в основе формирования личностных смыслов. Выделение мотива в качестве первого предречевого этапа речевой деятельности исключает из рассмотрения другие важные для осуществления дискурсивного взаимодействия факторы, в том числе и те, которые обуславливают само начало дискурсивной деятельности (что, впрочем, естественно, поскольку модели эти созданы для решения других исследовательских задач).

Таким образом, изучение особенностей порождения и восприятия связной речи как целостной смысловой сущности привело к необходимости разработки особой когнитивной модели дискурса, главной целью которой является описание и объяснение механизмов образования разнообразных когерентных дискурсивных связей в процессе речевой деятельности с учетом всех достижений в этой области, сделанных в разных дисциплинах, изучающих речемыслительные процессы в сознании человека. Несмотря на то, что большинство теоретических и экспериментальных исследований дискурса до сих пор сосредоточены на анализе процессов восприятия, специалисты в области когнитивного анализа дискурса исходят из того, что в процессе дискурсивной деятельности индивид выступает одновременно и как субъект восприятия, и как субъект порождения дискурса, в сознании которого происходит мгновенная когнитивная обработка данных в обоих направлениях.

Именно это важное положение лежит в основе когнитивной модели диалога Т. ван Дейка, автора одной из наиболее влиятельных на сегодня когнитивных концепций дискурса. Отмечая, что, в отличие от монологического, в диалогическом дискурсе его участники выступают одновременно и в качестве слушающего и в качестве говорящего, и что данный факт предполагает одновременное протекание в их сознании процессов восприятия и порождения речи, ван Дейк подчеркивает, что при когнитивном

моделировании диалогического дискурса необходимо учитывать не только структурные характеристики составляющих диалог реплик, но и их интеракциональные (речеактные) свойства. Поэтому эмпирически адекватная когнитивная модель диалога должна отражать не только процессы и механизмы обработки языковой информации (a language processor), но и процессы обработки интеракционально значимой информации (an interaction processor), а также социально релевантные (social knowledge) и энциклопедические знания (knowledge of the world in general), набор текстовых и социальных стратегий и т.п. (Dijk, 1984). Понимая всю сложность этой задачи и невозможность полного ее решения на современном уровне исследований, ван Дейк предлагает свою когнитивную модель диалога, вернее, схему модели, в качестве основы для дальнейшей разработки и уточнения. В этой модели выделяются три компонента, или уровня, описания — семантический, прагматический и интеракциональный, и в целях удобства изложения разграничиваются процессы порождения и восприятия дискурса.

Начиная когнитивный анализ дискурсивной деятельности с процесса восприятия, ван Дейк исходит из того, что в рамках этого процесса предложения “переводятся” в структурированные последовательности пропозиций, между которыми устанавливаются когерентные связи различного вида (cause, reason, situation-fact, etc.) и которые содержатся в рабочей семантической памяти (semantic working memory), перемещаясь для дальнейшего хранения в эпизодическую память. Поскольку пропозиции, выраженные в дискурсе, не всегда обнаруживают прямую связь друг с другом, для установления их линейной когерентности используются хранящиеся в долговременной памяти энциклопедические знания, которые поставляют и в рабочую и в эпизодическую память необходимые для этой цели пропозиции. Процесс извлечения пропозиций и их связывания рассматривается как линейный и циклический — в результате каждого цикла обработки поступившей информации из рабочей памяти в эпизодическую переносятся “старые” пропозиции, освобождая место для создания “новых”. Одновременно, для установления связи образованных пропозиций с целостным значением дискурса и актуализируемой в нем темой (topic) используются входящие в состав энциклопедических знаний макроправила (macrorules). Макроправила отменяют нерелевантные пропозиции, позволяют делать обобщения и выводы и создавать глобальные пропозиции, относящиеся к глобальным фактам. Применение макроправил при-

водит к созданию из поступающих пропозиций одной или нескольких макропропозиций, репрезентирующих актуализируемую тему дискурса. Таким образом, в эпизодической памяти происходит постепенное построение иерархической структуры репрезентаций дискурса.

Получившаяся макроструктурированная репрезентация дискурса может быть далее структурирована в глобальные, или общие (general), схематические структуры, например, в нарративную или диалоговую схему (a narrative schema or a dialogue schema). Ван Дейк отмечает, что все эти процессы контролируются не только системой общих и языковых знаний, но и нормами, оценками, мнениями, интересами и т.д. слушающего. Этот набор контекстуально оперативных (contextually operating) и индивидуально вариативных факторов он называет “когнитивным набором” слушающего (cognitive set of the hearer), подчеркивая, что на каждом этапе (в каждом цикле) изменения дискурса этот когнитивный набор изменяется.

Одновременно с процессами семантической обработки поступающей дискурсивной информации в сознании индивида происходят процессы прагматической его обработки, поскольку природа вербального взаимодействия требует от участников коммуникации понимания не только того, что *сказано*, но и того, что *сделано* в дискурсе. Другими словами, полноценная интерпретация дискурса требует от коммуникантов понимания прагматического значения актуализируемого высказывания, т.е. типа производимого речевого действия, что предполагает адекватный анализ релевантного прагматического контекста. Поскольку анализ речевых актов, как и всяких других социальных действий, включает рассмотрение, с одной стороны, знаний, желаний, верований, мотивов и т.д. говорящего, а с другой — условий реализации речевых актов и принципов их связи друг с другом, процесс прагматической интерпретации дискурса оказывается еще более сложным, чем семантической. При обработке поступающей информации в режиме on-line слушающий, не имея полной картины, вынужден опираться на свои дискурсивные ожидания и антиципации — он должен проверить свои репрезентации предыдущих высказываний диалога, актуализируемого контекста, реализуемого социального фрейма с тем, чтобы найти подходящие конститутивные рамки (indices), определяющие возможный прагматический контекст, в котором можно ожидать появления того или иного речевого акта. В результате этого сложнейшего процесса, который может идти как снизу вверх, так и сверху

вниз, у слушающего формируется более или менее сильное предположение о том, что имеет в виду говорящий на этом прагматическом уровне. Так же, как пропозиции, выраженные в высказываниях диалога, не воспринимаются изолированно, так и речевые акты интерпретируются относительно других речевых актов по мере их обработки.

Параллельно с семантической и прагматической обработкой дискурса в сознании индивида происходит интеракциональная его обработка. Получая языковую и прагматическую информацию и создавая репрезентацию семантического и прагматического блоков дискурса, коммуниканты на каждой стадии диалога должны создать репрезентацию актуализируемой социальной ситуации. В этом сложнейшем процессе оказываются задействованными экстралингвистические знания самого разного характера, среди которых ван Дейк называет знания о типах социального контекста и социальной подсистеме, знания о социально обусловленных фреймах, или скриптах, и их конвенциональной организации, знание категорий диалогового взаимодействия и характеристик участников ситуации общения, представление об общих свойствах текущей социальной интеракции и особенностях составляющих ее конкретных коммуникативных действий (*social context type, social subsystem, social frames or scripts, participant categories, conventions of the frame or script, global social action now being performed, previous local action(s) of the sequence, dialogue schema categories* (Dijk, 1984, с. 15)). Эти знания участники дискурсивного взаимодействия используют для анализа релевантных параметров на основе данных, поступающих из диалога, применяя их в виде некоторой схемы на каждом этапе этого диалога. В рамках данного процесса имеет место не только канонический анализ социальной ситуации, но и создание репрезентаций используемых интеракциональных стратегий.

Представляя результаты семантической обработки дискурса в виде иерархически организованной системы пропозиций, в которой сверху располагаются макропропозиции (*themes or topics*), ван Дейк оставляет открытым вопрос о том, как можно было бы представить репрезентации прагматического и интеракционального компонентов дискурса и какова их связь с репрезентациями высказываний. По его мнению, здесь можно предполагать как существование комплексной репрезентации действий, производимых говорящим, в которую семантические репрезентации высказываний входят в качестве функциональной части, так и существование отдельных репрезентаций, системно связанных друг с другом в отдельных точках.

Ван Дейк считает, что многие процессы восприятия дискурса в диалоге релевантны и для его порождения. Так, значения порождаемых предложений планируются при контроле глобального плана семантической макроструктуры (темы), поскольку сложность семантической когерентности делает такое глобальное концептуальное планирование необходимым. Одновременно с этим устанавливаются связи, с одной стороны, с системой энциклопедических знаний, и с другой — с глобальными планами социальных действий. Глобальное планирование действий базируется на сложной мотивационной сфере, в которую вовлечены процессы принятия решений, формирования намерений и целей, определяемых желаниями, потребностями, знаниями, отношениями, нормами. Получив общую репрезентацию определенных целей и репрезентацию “глобальных” действий, которые нужно выполнить, чтобы достичь эти цели, репрезентации действий “переводятся” в более специфические репрезентации речевых актов, последовательно организованных и связанных между собой. В то время как в процессе восприятия общие репрезентации значений и действий постепенно выстраиваются в эпизодической памяти после начальной обработки в кратковременной рабочей памяти, процесс порождения, напротив, берет начало в общих репрезентациях эпизодической памяти, которые путем различных операций (например, инвертирования макроправил и других семантических трансформаций) посылаются в рабочую память для использования. Поразительно короткое время осуществления процессов восприятия и порождения дискурса в диалоге свидетельствует о том, что восприятие, планирование и порождение речи, по крайней мере, частично, происходят в сознании человека одновременно.

В своей когнитивной теории диалога ван Дейк, пытаясь отразить тесно связанные между собой процессы порождения и восприятия, язык и действие, когнитивный и социальный контексты, взаимодействующие в специфических условиях осуществления интеракционных операций, не рассматривает подробно сами когнитивные механизмы обработки формируемых репрезентаций или конкретные способы хранения и извлечения структур знания для использования в дискурсивной деятельности. Эти операции освещаются в других моделях дискурса, сосредоточенных на анализе более конкретных аспектов его когнитивной обработки. По тому, как эти модели представляют способы репрезентации структур знания и механизмы их активизации в сознании человека, их разделяют на символические или знаковые

(symbolic), коннекционистские (connectionist) и гибридные, или интегральные (hybrid) (A. Graesser, M. Gemsbacher, S. Goldman, 1997).

В символических моделях (Anderson, 1983) выделяются рабочая и долговременная память, в которой хранятся концепты, пропозиции, схемы и оперативные правила их обработки (имеющие формат IF [condition] THEN [action]). При наличии соответствующих условий, вызванных поступлением новой информации, происходит активизация определенных правил, в результате применения которых производится некоторое когнитивное действие (action). Поступление в рабочую память новой информации вызывает мгновенную оценку оперативных правил для ее обработки и выбор тех из них, которым удовлетворяют поступающие “условия”. В каждом цикле обработки символов происходит переоценка набора применяемых оперативных правил и приведение их в соответствие с поступающей информацией. При этом в течение долей секунды могут одновременно и параллельно разворачиваться десятки и сотни процессов (циклов) такой обработки, в результате которых информация в рабочей памяти динамично изменяется, постепенно перемещаясь в долговременную память, которая пополняется новыми структурами знания и оперативными правилами.

Коннекционистские модели (McClelland, Rumelhart 1986; St John, 1992) представляют структуры знания и процессы их обработки распределенными между большим количеством простейших нейронеиц хранения (neural units) с разным удельным весом (weights) — катализаторным (positive) — weights), ингибиторным (negative weights) и нулевым, — образующими своего рода сеть (neural network). Авторы таких моделей считают, что каждому концепту, пропозиции, схеме или правилу соответствует определенный набор нейронеиц. В каждом когнитивном цикле дискурсивной деятельности происходит сначала активизация тех наборов нейронеиц, которые связаны со структурами знания, соотносящимися с контекстными параметрами дискурса и предшествующей вербальной и невербальной дискурсивной информацией. В свою очередь, активизированные нейронеицы возбуждают или ингибируют (подавляют) соседние связанные с ними нейронеицы. Далее этот процесс распространяется на остальные компоненты сети, приводя систему к определенной стадии стабилизации (a stable pattern of activation). Репрезентация значения при этом рассматривается как совокупность активизированных единиц — в этом случае говорят о распределений

значения в сети (meaning is...distributed throughout network (Graesser, Gemsbacher, Goldman, 1997). Такое представление репрезентации дискурсивного значения отличается от представления, предлагаемого в символической модели, где значение локализуется в одной или нескольких символических репрезентациях.

Большинство современных моделей когнитивной обработки дискурса являются гибридными, или интегрированными построениями, совмещающими в себе черты символических и коннекционистских моделей (ср. Britton, Graesser, 1995; Golden, Rumelhart, 1993; Just, Carpenter, 1992; Kintsch, 1988). К числу наиболее популярных и широко принимаемых в когнитивной теории дискурса относят конструктивно-интеграционную (a...constructive-integration model) модель В. Кинча (Kintsch, 1988) и модель совместного порождения, основанного на активации (Collaborative Activation-based Production System model (CAPS)) М. Джаста и П. Карпентера (Just and Carpenter, 1992). Несмотря на то, что обе эти модели в основном сосредоточены на рассмотрении процессов восприятия дискурса, представленные в них механизмы когнитивной обработки дискурса актуальны и для процессов его порождения.

В модели В. Кинча различаются три уровня репрезентации: поверхностной формы (the surface form), пропозициональной основы текста (the prepositional textbase-) и модели референтной ситуации (the referential situation model) (Kintsch and van Dijk, 1978). При репрезентации на уровне поверхностной формы сохраняются точные образы слов и синтаксических конструкций дискурса; уровень пропозициональной основы текста содержит набор микрокогерентных пропозиций воспринимаемого дискурса. При репрезентации на уровне модели референтной ситуации получаемая информация интегрируется с системой энциклопедических знаний воспринимающего дискурс индивида и соотносится с уникальным концептуальным пространством обрабатываемого дискурса. В качестве символов структур знания данная модель включает репрезентации однозначных слов, эксплицируемые текстовые пропозиции и релевантные для интерпретации дискурса энциклопедические знания, также включающие репрезентации слов и пропозиций. Все эти репрезентации, рассматриваемые в качестве единиц смыслов, соединяются друг с другом связями с разным удельным весом аналогично тому, как это представлено в коннекционистских моделях. Типы связей между структурами знания обусловлены их свойствами и образуют отдельные системы на каждом уровне репрезентации.

В каждом цикле восприятия дискурса соответствующие структуры знания активизируются и между ними устанавливаются определенные связи. На конструктивном этапе построения (the construction phase) создаются репрезентации, отражающие связи эксплицируемого дискурса с релевантными энциклопедическими знаниями субъекта восприятия и с репрезентациями, сложившимися в результате обработки предшествующих единиц дискурса. На этапе интеграции (the integration phase) система установленных на предшествующих этапах связей стабилизируется.

Особое значение в этой модели придается роли рабочей памяти. В модели исходят из того, что объем ее ограничен и может вместить лишь репрезентацию одного обрабатываемого высказывания и набор пропозиций, вынесенных из предыдущих циклов восприятия и хранившихся до перемещения в рабочую память в эпизодической памяти (буферной зоне долговременной памяти). Из эпизодической памяти активизированные пропозиции перемещаются в рабочую память, в то время как не востребуемые пропозиции переходят в долговременную память. Если в последующих циклах обработки эти пропозиции вновь активизируются, то они опять перемещаются в рабочую память (Kintsch, 1988).

В модели М. Джаста и П. Карпентера (Collaborative Activation-based Production System model (CAPS)) так же выделяются символические репрезентации слов, фраз, пропозиций, схем и порождающих правил. В соответствии с этой теорией, вызванная потоком входящей дискурсивной информации активизация порождающих правил приводит к изменению информационной насыщенности рабочей памяти, причем степень активизации этих правил может быть различна. В отличие от предыдущей, данная модель не просто исходит из наличия или отсутствия связей между активизируемыми структурами знания, но предполагает, что, вследствие различной степени активизации порождающих правил, устанавливаемые между репрезентациями связи могут иметь разную степень интенсивности. При этом ограниченность объема рабочей памяти рассматривается как фактор, влияющий на процесс когнитивной переработки дискурса: утверждая, что для элементов, содержащихся в рабочей памяти, существует предел активизации ("cap"), авторы модели полагают, что при достижении этого предела когнитивная система переработки информации замедляет работу и из рабочей памяти выводятся как нефункциональные элементы с минимальным уровнем активизации (Just and Carpenter, 1992).

Идеи, излагаемые в рассмотренных интегративных моделях,

используются и в других когнитивных моделях дискурса. Таким образом, анализируя механизмы активизации структур знания в терминах коннекционистских процессов, большинство исследователей при описании способов их представления и хранения рассматривают эти структуры как символические репрезентации. Тем не менее в решении вопроса о том, в каком виде эти структуры репрезентации знания представлены в сознании человека, специалисты далеко не единодушны.

2.2. Структуры репрезентации знания

Анализ способов репрезентации пропозиций в сознании человека ведется в терминах фреймов, схем, скриптов или сценариев. Эти термины, введенные в научный обиход разными авторами и широко употребляемые в последние годы в лингвистике, когнитивных науках, психологии, антропологии, работах по созданию искусственного интеллекта, используются для обозначения различных структур знания, в то же время значения их во многом пересекаются. Наиболее популярным из них является термин “фрейм”, которым часто собирательно называют все виды когнитивных структур и который обычно употребляется в двух различных смыслах.

Прежде всего, понятие “фрейм” интенсивно используется в когнитивно ориентированной семантике, где под фреймом понимают когнитивную структуру, рассматриваемую как иерархически организованную систему знаний об обозначаемом, отражающую “максимально обобщенное схематизированное представление о концептуальном основании, значения, ...схему образа, лежащего в основе значения” (Белявская, 1991, с. 83—84). Данная трактовка связана с теориями фреймов М. Минского и Ч. Филлмора (Минский, 1979; Филлмор, 1988).

М. Минский, который ввел понятие фрейма в теорию искусственного интеллекта, трактует его как статическую информационную структуру, лежащую в основе репрезентации стереотипной ситуации (*data structure for representing a stereotyped situation*) и потенциально реализуемую формами языка. Он различает фреймы четырех уровней: поверхностные синтаксические фреймы, поверхностные семантические фреймы, тематические фреймы (“сценарии”) и нарративные фреймы, каждый из которых специализирован на “репрезентации определенного вида информации (знания).

Ч. Филлмор, предложивший фреймовую семантику в качестве лингвистической концепции в середине 70-х гг., определяет

фрейм как “специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах”, подразумевая под схемами концептуальные системы или структуры, “которые соединяются в нечто единое для категоризации действий, институтов и объектов” (Филлмор, 1988, с. 24—25). Первоначально Ч. Филмор вкладывал в понятие фрейма чисто лингвистический смысл, понимая под “лексико-грамматическим обеспечением” слова, грамматические правила и языковые категории (Филлмор, 1983). Позже это понятие получает у него собственно когнитивное толкование — фреймы рассматриваются как особые когнитивные структуры схематизации опыта, знание которых предполагается концептами, представленными словами (Филлмор, 1988). Именно такое представление лежит в основе узкого понимания фрейма применительно к структуре значения лексической единицы, принятого в лексической семантике.

В другом смысле трактуют фрейм в социологии, антропологии и теории коммуникации, говоря об “интерактивных фреймах интерпретации” или “интерактивных фреймах” (Frake, 1977, Goffman, 1974, Gumperz, 1982, Hymes, 1974, и др.). Помимо термина “фрейм”, впервые использованного в данном значении антропологом Г. Бейтсоном (Bateson, 1972, первоначально опубликовано в 1954 г.), в этих дисциплинах также широко употребляются близкие по значению термины “скрипт”, “схема”, “сценарий” (см. анализ этих терминов в КСКТ)¹.

---

¹ Например, “скрипт” (Shank and Abelson, 1977) рассматривают как вид фрейма, специализированного на репрезентации последовательностей событий (*specialised to deal with event sequences* (Shank and Abelson, 1977, с. 67)).

“Схема” (термин Bartlett, 1932) представляется как “когнитивный конструктор”, который “служит для того, чтобы конкретные переживания и действия соотносить с ментальными репрезентациями (общими понятийными рамками, в которых единичные явления сводятся к общим и опознаваемым)” (КСКТ, 1996, с. 80). Получаемые в результате когнитивной переработки входящей и исходящей информации, схемы рассматриваются как “сложные конвенциональные структуры знания высокого уровня” (*higher-level complex (and even conventional or habitual) knowledge structures* (Dijk, 1981, с. 14), главным признаком которых является наличие в них постоянного каркаса, заполняемого переменными, и возможность одной схемы опираться на другие.

“Сценарий”, определяемый в концепции М. Минского как разновидность структуры репрезентации, вырабатывается в результате интерпретации блоков поступающей информации (текста) и имеет несколько уровней, представленных фреймами (Minsky M., 1980, с. 16): поверхностно-синтаксическими, поверхностно-семантическими, тематическими, фреймами повествования (КСКТ, 1996, с. 181).

Понятие “интерактивный фрейм” предполагает выделение того, что происходит во время коммуникативного взаимодействия между собеседниками и без чего никакое коммуникативное действие интерпретировано быть не может, поскольку смысл высказывания определяется тем, в рамках какого фрейма оно используется говорящим. Несовпадение интерактивных фреймов участников может привести к коммуникативному конфликту (например, шутка, воспринятая как оскорбление). Так, Р. Шэнк и Р. Эбельсон (Shank and Abelson, 1977) считают, что в основе процесса восприятия и интерпретации обыденных коммуникативных ситуации лежит скрипт — отраженная в сознании участников интеракции стандартизованная последовательность событий внешнего мира. Основными характеристиками скрипта являются упорядоченность составляющих его физических событий, предполагающая причинно-следственные отношения между ними, а также их стереотипность/повторяемость и узнаваемость (Ср. классический пример ресторанного скрипта в (Shank and Abelson, 1977)). Таким образом, “интерактивное” понимание фрейма, а также понятия скрипта, схемы и сценария преимущественно связаны со структурированием знаний о “социальных конвенциях”, лежащих в основе коммуникативного поведения индивида и обеспечивающих его эффективное взаимодействие с другими членами социума.

Эти различные подходы определенным образом совмещаются в теориях когнитивных моделей Дж. Лакоффа (Лакофф, 1988; Lakoff, 1990) и ментальных пространств Ж. Фоконье (Fauconnier, 1985), рассматривающих категоризацию мира и языка в сознании человека в терминах ментальных пространств и когнитивных моделей, которые эти пространства структурируют. Под ментальным пространством при этом понимается определенная мыслительная область — область концептуализации, — которая может охватывать понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, гипотетические ситуации и ситуации возможных миров, а также абстрактные категории. Эти ментальные пространства, имеющие чисто когнитивный статус и не существующие вне мышления, структурируются с помощью различных когнитивных моделей: образно-схематических (вместилище, часть—целое, верх—низ и т.д.), пропозициональных (пропозиция, сценарий или скрипт, пучок признаков, таксономия, радиальная категория), метафорических, метонимических, символических (Болдырев, 2000). Такой подход сближает “лексико-семантическое” и “интерактивное” понимание структур знания, предпола-

гая, что языковые значения, и в частности значения слов, “соотносимы с определенными контекстами — когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание” (Болдырев, 2000, с. 25). Эти структуры знания носят прототипический характер и системно организуют социальный и индивидуальный опыт человека, определяя его понимание того, как устроен и функционирует мир, и составляя мотивационную базу его социального поведения (Rosch, 1976; Hudson, 1980).

С этих позиций “лексико-семантические” и “интерактивные” фреймы можно рассматривать как разные типы структур репрезентации обыденного знания, которые сосуществуют в сознании человека и лежат в основе его коммуникативной деятельности, обеспечивая ее адекватность как при порождении, так и при восприятии. И в том, и в другом случае прототипический характер этих структур позволяет использовать их в качестве прогностической базы коммуникативного взаимодействия: собеседники планируют и осуществляют свои коммуникативные акты, а также интерпретируют коммуникативные акты друг друга в соответствии с тем, как им это представляется возможным и необходимым в данной ситуации общения, с разной степенью осознанности данной возможности и необходимости.

В связи с этим совершенно справедливо представляется трактовка этих структур знания Д. Таннен, которая определяет их как “структуры ожидания” (structures of expectation (Tannen, 1993, С. 16)), подчеркивая тем самым, с одной стороны, их коммуникативную значимость, а с другой — их одновременно целеобуславливающий и интерпретационный характер. Важнейшее значение при этом имеет социокультурная обусловленность этих структур знания, во многом детерминирующая особенности коммуникативного поведения членов того или иного социума.

2.3. Классификации видов знания

Изучение структур репрезентации знаний, способов их обработки, хранения и активизации в процессе дискурсивной деятельности предполагает, в свою очередь, анализ различных видов информации, представленной в этих структурах знания, поскольку “сложнейшей проблемой остается до сих пор определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание языкового значения) и начинается общее, энциклопедическое знание, не связанное с языковым значением, и как определить, какие знания о мире имеют существенное значение для понима-

ния текстов, а какие нет” (Болдырев, 2000, с. 26). При этом необходимо отметить, что описания различных видов знания и разной по характеру информации, содержащейся в структурах репрезентации знаний и обрабатываемой в процессе дискурсивной деятельности, не тождественны, хотя и тесно связаны друг с другом. В то время как при рассмотрении способов концептуализации объективной действительности с точки зрения видов знания о ней в фокусе внимания оказывается мышление человека как субъекта когнитивной деятельности, изучение структур репрезентации знания с точки зрения представленных в них различных видов информации помещает в центр внимания те аспекты объективной действительности, которые имеют наибольшую значимость для жизни и деятельности, в том числе коммуникативной, субъекта мышления и которые каким-либо образом отражаются в этой деятельности. Другими словами, при описании видов знания речь, в сущности, ведется об анализе проекции отраженного в сознании человека объективного мира, в то время как описание видов информации подразумевает выражение этих видов знания в процессе коммуникации тем или иным способом.

Анализ роли различных видов знания в коммуникативной деятельности людей составляет особую область когнитивного описания. Выделение типов коммуникативно релевантных знаний при этом производится по самым разным основаниям: в зависимости от содержания, характера, способа усвоения и хранения, особенностей функционирования.

Так, прежде всего знания разделяют на языковые и внеязыковые. К первым относят: а) знание языка — грамматики, фонетики, композициональной и лексической семантики; б) знания об употреблении языка; в) знание принципов речевого общения. В составе внеязыковых знаний выделяют знания: а) о контексте и ситуации (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.); б) общефоновые знания (т.е. знания о мире), знания о событиях, состояниях, действиях, процессах и т.д. (Герасимов, Петров, 1988). Такой общий принцип деления знаний на языковые и энциклопедические широко принят в современной науке, несмотря на варианты в трактовке каждого из этих типов знания. Например, Дж. Миллер (Miller, 1978) описывает их в терминах “лексических” и “практических” знаний; А. Гарнхэм (Garnham, 1985) наряду с фонологическими, лексическими и синтаксическими выделяет в составе языковых

знаний прагматические и риторические; Т. Виноград (Winograd, 1983) ставит знание о ситуации в один ряд с языковыми знаниями и знаниями о мире; Т. ван Дейк говорит о знаниях относительно общих условий совершения успешных коммуникативных действий, определенных типов дискурса, мета-фреймов (ван Дейк, 1989), и т.д.

По *характеру* знаний их разделяют на декларативные и процедуральные (Залевская, 1990), или “знания того, что” (knowledge that) и знания “того, как” (knowledge how), соответствующие “моделям чего-либо” (models of) и “моделям для” (models for), которые называют “оперативными” (operational) и “репрезентативными” (representational) моделями (Cows, 1974). Декларативные знания включают знания правил на всех языковых уровнях, а также языковые единицы, усвоение и использование которых возможно только при наличии когнитивных и интеракционных стратегий их активизации. Кроме того, знания характеризуют по способу их проявления, источнику усвоения, степени конкретности, особенностям соотнесения с целями использования и т.д., выделяя имплицитные (интуитивные) и эксплицитные (метаязыковые), пассивные и активные, перцептивные и концептуальные, семантические и эпизодные, устойчивые (стабильные) и подвижные (развивающиеся), конкретные и разных уровней абстракции, общекультурные (социальные, разделяемые, конвенциональные) и уникальные (личностные) знания (Залевская, 1990).

По *способу усвоения и особенностям функционирования* знания часто разграничивают на приобретенные в качестве продукта перцептивного или коммуникативного опыта и полученные в результате сознательного усвоения (выученные). В первом случае говорят о неосознаваемости и автоматизированности знаний, что делает крайне затруднительным их анализ, во втором — об их контролируемости и возможности анализа (Ellis, 1987; Namers, Blanc, 1989). По мнению некоторых авторов, знание языка и о языке также варьируется по степени анализируемости: с одной стороны, в неанализируемом знании субъект оперирует информацией без сознательной манипуляции ею и практически не осознавая структуру и правила образования используемых пропозиций; с другой стороны, в анализируемом знании субъект имеет доступ к структуре и правилам трансформации пропозиций, которые он сознательно использует в процессе языковой деятельности. Таким образом, неанализируемые знания функционируют при низком уровне когнитивного контроля, в то вре-

мя как степень когнитивного контроля анализируемого знания может повышаться в зависимости от уровня развития метаязыковых навыков субъекта (Hamers, Blanc, 1989). Такая точка зрения позволяет говорить о различных уровнях осознаваемости процессов оперирования знаниями и взаимосвязи языковых и метаязыковых знаний, а также о взаимодействии языкового и когнитивного контроля (Залевская, 1988; Ейгер, 1989).

Приведенный краткий обзор свидетельствует о том, что проблема описания различных видов знания ждет своего решения, и современным когнитивным наукам еще предстоит разработать общий подход, позволяющий включить в описание все разнообразные и разноплановые характеристики знаний и, главное, объяснить их взаимодействие друг с другом. Идею такого подхода рассматривает, в частности, А. А. Залевская, говоря о необходимости создания концепции единой информационной базы человека, функционирующей на разных уровнях осознаваемости по принципу многомерной и многоуровневой динамической системы, с позиций которой, по мнению автора, “становится очевидной условность рассмотрения, например, перцептивных и когнитивных, декларативных и процедуральных, а также любых прочих видов знаний: каждый из них имеет смысл только во взаимодействии с другими в рамках единой перцептивно-когнитивной декларативно-процедуральной и т.д. системы знаний и стратегий/процессов оперирования ими в деятельности (в том числе — коммуникативной)”, при этом “носителем и потребителем знаний является активный и включенный в определенный социум субъект” (Залевская, 1990, с. 88).

2.4. Различные виды информации в дискурсе

В рамках когнитивного подхода к дискурсу проблема видов знаний рассматривается с позиций/ в терминах представленной в структурах знания и актуализируемой в дискурсе информации, необходимой для осуществления дискурсивного взаимодействия людей и обеспечивающей взаимопонимание участников общения в процессе коммуникации. В анализ дискурса вовлекаются самые разные виды информации, которые передаются высказываниями в процессе общения как осознанно, так и неосознанно, как эксплицитно, так и имплицитно. В этой связи говорят об информации, сообщаемой намеренно, и информации, сообщаемой непреднамеренно (Schiffrin, 1994): первый тип информации вводится в коммуникативный процесс говорящим/адресантом, который отбирает нужные смыслы, придает им коммуницируе-

мую форму и сообщает их в соответствии со своими интенциями; информация второго типа создается реципиентом/адресатом в процессе интерпретации дискурса и является результатом его инференций, при этом адресат/реципиент может вывести смыслы, отличные от задуманных адресантом/говорящим. Такая трактовка коммуникации и информации предполагает ситуативную привязанность речи, связанную с привлечением широкого социокультурного контекста и конвенциональных фоновых знаний.

В процессе дискурсивной деятельности коммуниканты извлекают из памяти и обрабатывают информацию не только предоставленную контекстом, но и хранящуюся на более глубоких уровнях памяти и входящую в пласт социокультурных знаний. Говоря о разных уровнях памяти, на которых размещается и хранится используемая в дискурсе информация, некоторые исследователи считают, что на первом уровне хранятся сложные эпизоды и длительные неинтерпретированные последовательности событий; на втором уровне располагается используемая для реконструкции сценариев энциклопедическая информация в виде правил, норм и фреймов; на третьем уровне в виде макросценариев содержится социокультурная информация, приобретаемая человеком в процессе социального опыта; четвертый уровень вмещает абстрактную информацию о причинах действий (Shank, 1982; Лузина, 2000).

Таким образом, в процессе дискурсивной деятельности идет постоянная обработка информации, поступающей из самого дискурса, внутренних когнитивных запасов коммуникантов и внешней ситуации общения. В связи с этим в теоретических исследованиях дискурса проводится различие между эксплицитной, конвенциональной, буквальная информацией, имеющей языковое выражение, с одной стороны, и подразумеваемой, имплицитной, подтекстовой информацией, выводимой из тех «языковых единиц дискурса, — с другой (Лузина, 2000; Макаров, 1998; Молчанова, 1986), т.е. речь идет о соотношении в семантико-прагматическом содержании дискурса того, что говорится, и того, что подразумевается. Эксплицитную информацию обычно связывают с пропозициональным смыслом или семантической репрезентацией, которая восстанавливается в процессе декодирования высказывания. Имплицитная информация связывается с выражением коммуникативного намерения говорящего, трактуемого как интеракциональное значение (*meaning in interaction* (Thomas, 1995)), образующееся в результате динамического взаимодействия таких разнородных факторов, как семантический

потенциал языковой единицы, лингвистические, социальные и физические свойства контекста ее употребления, индивидуальные и социальные характеристики участников коммуникации. При таком понимании и эксплицитная, и имплицитная дискурсивная информация является преднамеренно сообщаемой (см. выше), а в задачу адресата входит ее адекватная интерпретация.

Некоторые авторы выделяют в дискурсе интересубъективную информацию, которая соотносится с представлениями коммуникантов о контекстуальных условиях актуализации высказываний и основывается на их прагматических пресуппозициях (ван Дейк, 1989). Эта информация, базирующаяся на общем фонде знаний и верований участников общения, является необходимой предпосылкой их успешной совместной деятельности в процессах порождения и восприятия дискурса, составляя единую информационную базу данных дискурса и формируя его прагматический универсум (Лузина, 2000.). Интересубъективная информация устанавливается и поддерживается на каждом этапе дискурсивной деятельности, при этом в процессе взаимодействия пресуппозиционный фонд коммуникантов постоянно меняется.

Иногда в качестве специфического вида дискурсивной информации выделяют социально-дейктическую информацию (Макаров, 1998, с. 150), используя понятия “социальный дейксис” и “дейксис текста/дискурса” в добавление к понятиям дейксиса лица, времени и места. Социальный дейксис указывает на отношения между коммуникантами с точки зрения социально-психологической дистанции между ними, определяющей степень солидарности или отношения власти/подчинения. При этом говорят об относительной социально-дейктической информации, дающей представление о социальной дистанции по четырем осям (к референту, адресату, слушателям или присутствующим, ситуации общения в целом), и абсолютной социально-дейктической информации, связанной с символами социальных ролей коммуникантов, имеющих в рамках данного института особый статус и позиционные полномочия (Levinsoa, 1983; Лузина, 2000)

Отдельным видом дискурсивной информации считают тематическую информацию, присущую дискурсу как связному речевому произведению в разных формах, регистрах и типах общения и представляемую в виде макропропозиции или макроструктуры (Dijk, 1981; Dijk, 1984; Dijk, 1997; Brown, Yule, 1983). Характерной особенностью тематической информации дискурса является ее глобальная иерархическая (вертикальная) организация (Лузи-

на, 1996; Dijk, 1981). Психологическим коррелятом глобальной темы дискурса является когнитивная схема, которая выступает как базовая структура репрезентации знаний о предметно-референтной дискурсивной ситуации и определяет планирование, производство, восприятие и понимание дискурса, а также хранение и воспроизведение тематической информации (Дейк, Кинч, 1988).

Все перечисленные виды информации, представленные в структурах знания участников коммуникации и актуализируемые в дискурсе, необходимы для осуществления дискурсивного взаимодействия людей и обеспечивают взаимопонимание коммуникантов в процессе общения.

3. Заключение

Как показывает даже этот краткий обзор, проблемы когнитивного анализа дискурса, связанные и с разработкой категориального аппарата описания, и с анализом различных видов коммуникативно значимой информации, и с изучением когнитивных механизмов ее обработки, и с построением единой когнитивной модели дискурсивной деятельности, и с созданием общей когнитивной теории дискурса, выводят такие исследования за рамки одной области и предполагают исследование множества коммуникативных, лингвистических и многих других факторов, влияющих на его порождение и восприятие. Этот подход ложится в основание новой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания (Кубрякова, 2000а), представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности — когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез. Формирование названной парадигмы знания уже начато, и есть основания предполагать, что именно разностороннее освещение любых языковых явлений по выполняемым ими когнитивным и коммуникативным функциям принесет в будущем свои плодотворные результаты.

Еще раз отметим, что исследования дискурса с когнитивной точки зрения представляются нам чрезвычайно перспективными и интересными именно в силу их междисциплинарного характера. Результаты этих исследований помогают более четко определить ключевые для многих современных наук понятия когниции, коммуникации и речемыслительной деятельности, а также глубже понять процессы познания и общения.

Л и т е р а т у р а

Апполонская Т. А., Пиотровский Р. Г. Функциональная грамматика — фрейм — автоматическая переработка текста // Проблемы функциональной грамматики, М., 1985.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистическая энциклопедический словарь. М., 1990.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Белявская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах: Дис. д-ра фил. наук. М: МГЛУ, 1991.

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности... М., 1987.

Болдырев Н. Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольные категории // Традиционные проблемы языкознания в свете новые парадигм знания. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 16—35.

Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998. С. 51—63.

Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка / / Новое в зарубежной лингвистике (далее — НЗЛ). Вып. 23: М.: Прогресс, 1988. С. 5—11.

Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Дейк ван Т., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153—211.

Ейгер Г. В. Механизм контроля языковой правильности высказывания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.

Залевская А. А. Виды знания и их взаимодействие в коммуникации // Мышление и коммуникация. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. С. 84—92.

Залевская А. А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. С. 5—15.

Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998.

Кацнельсон С. Д. Предложение и его смысл. М., 1972.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи АН СССР, Институт языкознания. М.: Наука, 1991.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000. С. 7—25.

Кубрякова Е. С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. Тамбов, 2000а. Ч. 1. С. 6—7.

Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы зна-

ния в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конф. М., 1999. С. 186—197.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12—51.

Лузина Л. Г. Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 137—151.

Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте: Когнитивный и прагматилистический аспекты. М., 1996.

Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Молчанова Г. Г. Семантика текста: ИмPLICITный аспект. Ташкент, 1986.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // НЗЛ. Вып. 12: Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74—122.

Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 52—92.

Anderson J. R. The Architecture of Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

Barlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge, 1932.

Bateson G. A theory of play and fantasy. New York: Ballantine Books, 1972.

Dritton B. K., Graesser A. C. Models of Understanding Text. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1995/

Brown B., Yule G. Discourse analysis. Cambridge, 1983.

Cows P. Operational, representational and explanatory models // American Anthropologist. 1974. № 76 (1). P. 1—11.

Dijk van T. A. (ed). Discourse as Social Interaction. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1997.

Dijk van T. A. Dialogue and cognition // Hintikka J., Vaina L. (eds.) Cognitive constraints on communication. Representations and processes. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel Publishing Company. 1984.

Dijk van T. A. Dialogue and Cognition // J. Hintikka, L. Vaina (eds.) Cognitive Constraints on Communication. Representations and Processes. Dordrecht; Boston: D. Reidel Publishing Company, 1984. P. 1—17.

Dijk van T. A. Studies in the pragmatics of discourse. The Hague, 1981.

Ellis R. Understanding second language acquisition. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge: MIT Press, 1985.

Gamham A. Psycholinguistics: Central Topics. London et al.: Methuen, 1985
Coffman E. Frame analysis: an essay in the organization of experience. New York: Harper and Row, 1974.

Golden R. M., Rumelhart D. E. A parallel distributed processing model of story comprehension and recall // Discourse Processes. 1993. № 16. P. 203—237.

Graesser A., Gernsbaclier M., Goldman S. Cognition // Dijk van T. A. (ed) Discourse as structure and process. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1997. P. 292—319.

Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Hamers J. F., Blanc M. Bilinguality and bilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Hanks W. Language and communicative practices. Boulder, CO: Westview Press, 1995.

Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: an ethnographic approach. London: Tavistock Publications, 1974.

Just M. A., Carpenter P. A. A capacity theory of comprehension: individual differences in working memory // *Psychological Review*, 1992. № 99. P. 122—49.

Kintsch W. and Dyk van T. A. Toward a model of text comprehension and production // *Psychological Review*. 1978. № 85. P. 363—394.

Kintsch W. The role of knowledge in discourse comprehension and production: a constructive-integration model // *Psychological Review*. 1988. № 95. P. 163—182.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago; London: The university of Chicago Press, 1990.

Levinson S. C. Activity types and language // *Drew P. and Hentage J.* (eds). Talk at work: interaction in institutional settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 66—100.

Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge, 1983.

McClelland J. R., Rumelhart D. E. Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition. Cambridge, MA: MIT Press, 1986. Vol. 2.

Miller G. A. Practical and lexical knowledge // *Rosch E., Lloyd B.* (eds.) Cognition and categorization. Hillsdale, 1978. P. 305—331.

Minsky M. A framework for representing knowledge // *Frame conceptions and text understanding*. B., 1980. P. 1—25.

Rosch E. Classification of Real-world Objects: Origins and Representations in Cognition // *Erlich S. And Tulving E.* (eds). *La Memoire semantique*. Paris: Bulletin de Psychologie, 1976.

Shank R. C. Depths of knowledge and representation. London, 1982. P. 170—193.

Shank R. S. and Abelson R. P. Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hinsdak, NJ: Erlbaum, 1977.

Shciffirin D. Approaches to discourse. Oxford, UK and Cambridge, MA.: Biackwell, 1994.

St John M. F. The Story Gestalt: a model of knowledge insensitive process in text comprehension // *Cognitive Science*. 1992. № 16. P. 271—306.

Tannen D. Framing in Discourse. New York; Oxford: Oxford University Press, 1993.

Thomas J. Meaning in Interaction: An Introduction to Pragmatics. London; New York: Longmar, 1995.

Verschueren J. Understanding pragmatics. London; New York; Sydney, Auckland: Arnold. 1999.

Winograd T. Language as a cognitive process // *Reading, Mass. et al.*, Syntax, 1983. Vol. 1.